



Р Ѣ Ч И

**у гроба почившаго профессора Киевской Академіи Аѳанасія
Ивановича Булгакова.**

*Возлюбленный о Христе братъ,
незабвенный со товарищъ и другъ!*

Опять смерть!... Опять страданія!... Опять тяжкое горе въ нашей академической семьѣ!... Новое испытаніе, новая тяжелая потеря!... Боже! Отврати отъ насъ свой праведный гнѣвъ!... Кто могъ думать, что мы такъ скоро навсегда разстанемся съ нашимъ дорогимъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ? Кто могъ думать, что неумолимая смерть предпочтетъ сосуды крѣпкіе сосудамъ немощнымъ?... Но вотъ опять слышится печальное: прости, прости!

Дорогой Аѳанасій Ивановичъ! Земной поклонъ тебѣ за твою крѣпкую вѣру, безпредѣльную любовь и преданность нашей святой Церкви православной и ея добрымъ уставамъ. Ты преподавалъ такую науку, гдѣ, въ отличіе отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, необходимо было раскрыть всю силу и истинность, всю жизненность и красоту православія, — и ты постигъ православіе не только своимъ умомъ, но и своимъ сердцемъ. Красота православія!... Она вѣщнымъ образомъ выражается въ нашихъ молитвословіяхъ, въ нашихъ дивныхъ церковныхъ обрядахъ, въ нашей умирительной храмовой обстановкѣ... И ты былъ истинно церковный

ужь, и кто изъ насъ не знаетъ о твоихъ трудахъ въ рамѣ Киевскаго религиозно-просвѣтительнаго Общества. Ты ерковный пѣвецъ, ты и церковный чтець, ты и возжигатель церковной лампы!.. Ты жилъ Церковью, ты дышалъ я живительнымъ воздухомъ, ты воспитывалъ своихъ дѣтей въ строго церковномъ духѣ, и ни о чемъ ты такъ не заотился предъ своею смертью, какъ о томъ, чтобы ни въ емъ не отступить отъ вѣрній святой Церкви.

Земной поклонъ тебѣ, незабвенный соловарицъ и другъ, а твою любовь къ Академіи и нашей академической наукѣ. Жизнь твоя сложилась такъ, что ты поневолѣ долженъ былъ ѣсколько раздвоиться между служеніемъ Академіи и служеніемъ въ другомъ учрежденіи, и ты всегда молилъ Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ возможность всѣ свои силы посвятить нашей школѣ, и твои искреннія желанія уже были близки къ осуществленію. И, Боже мой, какъ много ты трудился!.. Сто много дѣлаетъ, тотъ, какъ извѣстно, меньше всего говорить другимъ о своемъ трудѣ, и нашъ дорогой Аонасій Ивановичъ молчалъ и таился. Но мы видѣли, что онъ изнемогаетъ въ работѣ и положительно не щадитъ своихъ силъ. Каждому изъ насъ извѣстно, что такое научная работа, которую необходимо выполнить къ данному опредѣленному времени, — какъ истощаетъ она человѣка, какого требуетъ напряженія силъ. А сколько такихъ работъ приходилось выполнять почившему, и его здоровый, можно сказать, могучій организмъ началъ постепенно падать и ослабѣвать.

Земной поклонъ тебѣ, дорогой Аонасій Ивановичъ, за твои неустанные научные труды. Ты всегда любилъ повторять, какъ свой жизненный принципъ, что христіанство меньше всего говоритъ намъ о нашихъ правахъ, а больше всего научаетъ насъ нашимъ обязанностямъ. И ты молчалъ о своихъ правахъ, и только неустанно дѣлалъ свое дѣло. Ты слѣдовалъ слову Господа нашего: „когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего нестоющіе, по-

тому что сдѣлали, что должны были сдѣлать“ (Лук. 17, 10). О какихъ правахъ—разсуждалъ ты—можетъ быть рѣчь? „Кто отличаетъ тебя?“ „Что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ“ (1 Коринт. 4, 7)? Всегда ты могъ сказать о себѣ: „я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть; умѣю жить въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи“ (Фил. 4, 12). Замѣчательная твоя черта—это необыкновенная скромность и простота жизни.

Благодаримъ тебя, дорогой сотоварищъ, за твою неизмѣнную любовь и снисходительность къ намъ. Въ жизни обыкновенно происходятъ всякаго рода столкновения изъ-за предъявляемыхъ нами своихъ правъ. А такъ какъ ты всегда былъ человѣкомъ долга и обязанности, то и вокругъ себя распространялъ здоровую, чистую атмосферу труда и долга. Ты всегда уважалъ чужое мнѣніе и любилъ повторять, что изъ-за разности мнѣній намъ никогда не нужно становиться во враждебныя другъ къ другу отношенія.

Господь взялъ отъ насъ, по неисповѣдимымъ Его судьбамъ, добраго дѣлателя на нашей академической нивѣ. А мы уповали, крѣпко уповали до самыхъ послѣднихъ дней, что его драгоценная жизнь будетъ еще намъ сохранена. Крѣпко вѣрилъ и надѣялся на это и самъ почившій. „Молитесь“—говоритъ онъ—„да исцѣлѣю... Въстѣ поклонимся святителю Феодосію Черниговскому“... Незабвенный нашъ труженикъ!... Ты желалъ жить не для себя, а для другихъ, и ближе всего для тѣхъ, кого Богъ ввѣрилъ твоему непосредственному попеченію. Ты весь жилъ для семьи, и о себѣ мало думалъ. Не послалъ тебѣ Господь богатства матеріальнаго, но далъ тебѣ то, что безконечно выше и превосходитъ такого рода приобрѣтенія,—послалъ тебѣ счастливѣйшую семейную жизнь. Хорошая семья всегда, а особенно въ нынѣшнее время—это истинная святыня. И мы видѣли, и восторгались красотою почившаго, какъ семья-

нина. Въ твоей семьѣ, этой по-истинѣ „малой церкви“, среди твоихъ прекрасныхъ дѣтей, я всегда находилъ истинную отраду, освѣженіе и ободреніе.

Что украшаетъ нашу жизнь? Украшаетъ ее трудъ. Что даетъ нашей жизни истинный смыслъ и подлинную цѣнность? Живи въ другихъ и для другихъ, ибо жизнь для блага другихъ есть твоя истинная духовная жизнь, а эгоизмъ мертвитъ и изсушаетъ. Что дѣлаетъ нашу жизнь спокойнѣе? Будь доволенъ тѣмъ, что имѣешь; не ищи многого; не предъявляй къ жизни какихъ то особенныхъ, неумѣренныхъ требованій. Вотъ уроки христіанской жизни, которые мы слышимъ здѣсь, у этого дорогого намъ гроба.. Но мы получаемъ здѣсь и другіе уроки. Хорошо быть специалистомъ своего предмета, работать въ одной научной области и при томъ работать систематически. Но каждая специализація имѣетъ и свою невыгодную сторону: она иногда какъ то суживаетъ духовный горизонтъ, дѣлаетъ человѣка слишкомъ одностороннимъ въ своихъ сужденіяхъ, тѣсно замыкаетъ его въ опредѣленномъ кругу идей. Нужна поэтому болѣе широкая точка зрѣнія, которая освобождаетъ насъ отъ освѣщенія всѣхъ явленій жизни подъ однимъ прямымъ угломъ. И такую точку зрѣнія владѣлъ, думаемъ, нашъ почившій профессоръ; онъ умѣлъ къ каждому явленію подойти въ какомъ то примирительномъ духѣ; онъ былъ не только ученымъ специалистомъ, но человѣкомъ владѣющимъ разностороннимъ знаніемъ, всюду приносящимъ истинный христіанскій гуманизмъ. Мнѣ всегда казалось, что во всемъ, что онъ изучалъ, онъ больше всего старался найти истину, положительное, а не отрицательное, ибо истина есть нѣчто первоначальное, а заблужденіе имѣетъ уже производный, приносный характеръ.

Сидѣлъ я, дорогой другъ и сотоварищъ, у твоей постели, когда дни твоей жизни, какъ оказалось нынѣ, были уже сочтены. Бесѣдовали мы съ тобою о разныхъ явленіяхъ

современной жизни. Взоръ твой былъ такой ясный, спокойный, и въ то же время такой глубокой, какъ бы испытующий. „Какъ хорошо было бы“ — говорилъ ты— „если бы все было мирно! Какъ хорошо было бы!... Нужно всячески содѣйствовать миру“.

И нынѣ Господь послалъ тебѣ полный миръ. Не волнуешь уже тебя болѣе та жизнь, которая прежде тебя волновала и которая всѣхъ насъ нынѣ бьетъ и охватываетъ своими бурными волнами. „Отпусти“,— вотъ послѣднее твое предсмертное слово своей горячо любящей тебя и горячо любимой тобою супругѣ. „Отпусти“!... И ты отошелъ съ миромъ! Ты могъ сказать: „нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ“ (Лук. 2, 29). Съ миромъ!... Душа твоя отошла съ миромъ и да почиетъ она въ мирѣ!

Не забудемъ никогда нашего добраго Аванасія Ивановича, мужа церковнаго, честнаго, самоотверженнаго труженника, образцоваго семьянина, челоуѣка, всегда стремящагося къ миру и водворяющаго, гдѣ возможно было, миръ. Не забудемъ!...

Прими, дорогой другъ, отъ меня земной поклонъ за то искреннее расположеніе, которымъ я у тебя всегда пользовался, за тѣ добрые совѣты, которые ты мнѣ давалъ, за ту духовную бодрость, которую ты всегда вливалъ въ мою душу. Незабвенными останутся для меня тѣ часы, а иногда и цѣлые дни, когда я имѣлъ радость видѣть тебя, бесѣдовать съ тобою, повѣрять тебѣ свои задушевные мысли.

Изъ гроба твоего намъ слышится голосъ: „Да будетъ воля Господня!... Вѣрятье себя Божію водительство!... Господь „сирѣ и вдову приметъ“! Меньше думайте о своихъ правахъ, а больше размышляйте о своихъ христіанскихъ обязанностяхъ. Живите въ вѣрѣ, любви, неустанномъ трудѣ, и миръ Божій да водворяется въ васъ.

Д. Богдасhevскій.

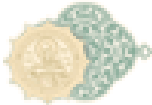
II.

„Я прежде всего — христианин!“!

Итакъ, умеръ дорогой авторъ этой краткой, но глубокой, по смыслу, особенно въ наши дни, фразы, умеръ среди утомительнаго дневнаго пути, еще задолго до ночлега. Умеръ, и унесъ съ собой еще одну живую, дѣятельную и направляющую насъ силу. . Въ дни смутной эпохи мы неожиданно остались безъ твердаго духовнаго отца и наставника...

Мало склониться, поэтому, братья-товарищи, предъ этимъ гробомъ новопочившаго нашего наставника, мало заплакать слезами разбитой нашей любви къ нему, слезами канувшаго въ вѣчность живого, непосредственнаго общенія съ нимъ. Нужно здѣсь, на землѣ постоянно воскрешать въ своей мысли дивный образъ почившаго, нужно дать обѣщаніе постоянно помнить нелицемѣрную твердость его христіанскаго исповѣданія. Согласимся, что все это — долгъ нашъ и все это — вѣчный живой урокъ назиданія для насъ — особенно теперь, когда дѣлаются особенно настойчивыя попытки разбить все дорогое для насъ, когда среди насъ — и этотъ одолеваящій многихъ ложный стыдъ предъ родившей насъ чистою религіею Христа Богочеловѣка, и эта дешевая популярность, готовая приспособлять объявленную истину къ случайнымъ вкусамъ, частнымъ повятіямъ и предубѣжденіямъ.

Я прежде всего — христианин!... Умеръ, повторимъ дорогой авторъ этихъ словъ, но чувствуемъ, братья-товарищи, какъ онъ безмолвнымъ ликомъ изъ гроба вѣщаетъ намъ теперь: „дѣти, не смущайтесь! и теперь, когда, кажется, кругомъ васъ все возмутилось противъ васъ и вашихъ вѣрованій, *возможно* наивно-чистое, религіозно-цѣльное христіанское міровоззрѣніе, и теперь *свободно возможно* не размѣнивать, такъ сказать, свою высшую интеллигент-




ность божественнаго духа“. И дѣйствительно, мы можемъ, въ отвѣтъ ему, съ благоговѣніемъ вспомнить, что въ дни только-что окончившейся жизни его высшій религіозный интересъ, соединяющій въ себѣ и „церковность“ и настроеніе, были для него не однимъ изъ *многихъ* интересовъ его жизни, а какъ бы самымъ существомъ его жизни. Съ удивительной младенческой чистотой сердца покойный непосредственно служилъ Богу „устама и сердцемъ“, славя Его *на клиросѣ* всѣмъ извѣстной Златоустовской церкви Религіознаго Общества въ нашемъ Кіевѣ. Въ этой скромной роли просвѣщеннаго, интеллигентнаго чтеца и пѣвца онъ указывалъ изъ своего храма—залы на подлинный смыслъ, неизмѣримую цѣнность христіанской обрядности, какъ живого, опытнаго общенія страждущей земли и безмятежнаго неба. Съ благоговѣніемъ вспоминаемъ, что на свое христіанское званіе—*я—прежде всего христіанинъ!*—покойный всегда указывалъ и въ частной своей жизни—и въ тихой мирной бесѣдѣ интимнаго круга и въ сферѣ выпедпей изъ колен. начавшей клокотать протестомъ и страстями, жизни.

„*Я—прежде всего христіанинъ!*“... Но это живое нелицемѣрное сознаніе своей христіанственности, жажды личнаго фактическаго отношенія ко Христу среди усиливающегося Его отрицанія кругомъ, отношь не было у покойнаго горделивымъ признаніемъ своего превосходства надъ другими или безнадежнымъ отрицаніемъ всякой доли чистой правды христіанства и въ другихъ, *видимо* ушедшихъ отъ Христа. Христось-Богочеловѣкъ, усвоенный не сухой логикой разсудка, а живымъ сознаніемъ нравственныхъ силъ и потребностей духа, помогалъ покойному съ критическимъ чутьемъ истины относиться ко всѣмъ заблуждающимся братьямъ. Онъ занималъ въ нашей Академіи ученую кафедру исторіи и разбора западныхъ вѣроисповѣданій, и здѣсь *ex cathedra* въ этихъ западныхъ историческихъ отколахъ одной великой горы онъ видѣлъ элементы общей дорогой всѣмъ

христіанской истинны и горячо защищать ихъ. Онъ не разъ скорбѣлъ о томъ религіозномъ раздѣленіи востока и запада, которое такъ печально отражается на созиданіи всемірной христіанской культуры, мистическаго воплощенія въ живомъ ходѣ исторіи дивнаго Богочеловѣчества... Подобно великому философу, онъ отчетливо представлялъ, что если преобладаніе западнаго дѣятельнаго начала въ Церкви порождало и порождаетъ много ненормальныхъ и печальныхъ явленій, то не нужно забывать, что и наличное раздѣленіе тоже задерживаетъ движеніе церковной жизни. Искреннее желаніе, поэтому, вполне понять противную сторону, оказать ей справедливость и, въ чемъ должно, согласиться съ ней, чтобы дружною, совмѣстною работою на началахъ любви и братства предохранить христіанскую идею живого Боговоплощенія отъ разливающихся потоковъ невѣрія и отрицанія — было завѣтною мечтою жизни и мыслей покойнаго, какъ *прежде всего христіанина*, сына единяющей любви и общественнаго мира. Его симпатіи къ извѣстному старокатолическому движенію на Западѣ, стремленію англиканской церкви къ единенію съ восточной, греко-россійской — выразительные свидѣтели истины сказаннаго. „Старокатоличество, позволимъ вспомнить себѣ его слова, не въ книгахъ только, но и на дѣлѣ является движеніемъ къ древнимъ вѣрованіямъ Запада — вѣрованіямъ того времени, когда Западъ былъ въ единеніи съ Востокомъ“¹⁾. Если же трудно еще усмотрѣть въ богословской системѣ старокатоличества рѣшительной измѣны вѣрованіямъ ультрамонтанства, то это объясняется, по покойному, быстротой внутренняго и ви́шняго роста старокатолическаго движенія: такъ трудно, оказывается, искоренить въ народныхъ массахъ вѣрованія, распространяемыя Рвомъ въ теченіе болѣе 1000 лѣтъ²⁾. Онъ подвзаетъ высокопро-

¹⁾ См. соч. покойнаго „Старокатолическое и христіанское Богослуженіе“. Кіевъ. 1901 г.

²⁾ Ibidem.



свѣщеннымъ собраніемъ духовнаго и свѣтскаго міра, чтобы здѣсь торжественно и публично отвергнуть ходячее представленіе о чистомъ римскомъ католицизмѣ Англійи, и—съ отрадой истиннаго Сына Церкви Христовой пригласить простереть къ англійской церкви руку общенія, всячески содѣйствуя окончательному возвращенію ея въ лоно единой матери Церкви вселенской ¹⁾). Вѣрно и сочувственно понятый самими представителями англиканской церкви ²⁾, въ прошломъ году покойный уже категорически заявлялъ о загораніи зарни на Западѣ проникающимъ въ него свѣтомъ съ востока и говорилъ, что англиканская Церковь—первый залогъ свѣтлой помогающей на осуществленіе завѣтной мечты религіознаго сознанія—соединить всѣхъ представителей христіанскаго міра въ одно ³⁾).

Поклонимся же земно всѣ здѣсь предстоящіе и молящіеся дорогому усопшему за все это. Онъ истинный сыпь мира, а среди насъ такихъ мало. „Пѣняціяся воды жизни не потопили его, по слову пророка, потокъ прошелъ надъ душой его, прошли надъ душой его воды бурныя“ (Ср. Пс. СХХШ, 4—5). Хвала ему и вѣчная память и честь!

Намъ же ученикамъ покойнаго, дѣтямъ его духа, паки реку: мало одного поклона мало слезъ и воздыханій о немъ. Онъ особенно любилъ насъ, и за эту любовь мы должны отвѣтить тоже вѣчною, неизсякаемою любовью къ нему. По-

¹⁾ Разумѣемъ рѣчь покойнаго, произнесенную имъ на торжественномъ актѣ Киевской дух. Академіи 26 сентября 1893 г. „Стремленія англиканъ къ восстановленію древне-вселенской церковности въ Англійи въ послѣдніе 60 лѣтъ“ (Кіевъ, изд. въ 1894 г.).

²⁾ Что выразилось переводомъ на англійскій языкъ и изданіемъ въ Лондонѣ одной статьи покойнаго.

³⁾ См. покойнаго „О законности и дѣйствительности Англиканской іерархіи“. Кіевъ, 1906 г.



кажемъ же, братья-товарищи, что его примѣръ непостыднаго христіанскаго исповѣданія, не пропадетъ безслѣдно для насъ. Это будетъ лучшимъ благодарнымъ свидѣтельствомъ любви нашей къ нему. Покажемъ, что его краткая, но полная св. тайны, фраза: „я—прежде всего христіанинъ“ отсель будетъ, вмѣстѣ, и нашей. У насъ, собственно говоря, еще впереди жизнь, теперь мы еще воспитываемся для этой жизни. Научимся же любить, поэтому, теперь святое христіанство съ его Церковію и Богочеловѣкомъ, полюбимъ такъ, какъ любить покойный нашъ наставникъ, приготовимся теперь, по его примѣру, съ дерзновеніемъ пророковъ къ будущему служенію Богу и Христу. Никогда не будемъ забывать своего христіанскаго званія: *мы—прежде всего христіане*, не будемъ забывать, и, въ угоду свѣту, отказываться отъ этого званія, чтобы тогда, когда каждому изъ насъ придется предстать предъ престоломъ Судін, ранѣе ушедшій отъ насъ учитель съ любовію встрѣтилъ насъ и сказалъ намъ: *Се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Евр. 11, 13; ср. Исаи VIII, 17—18)!

Николай Фетисовъ.

III.

Дорогой учитель!

Послѣ долгой разлуки ты опять съ нами. Но не обычнымъ радостнымъ привѣтствіемъ приходится встрѣчать тебя теперь, а новымъ, грустнымъ и печальнымъ. Не „здравствуйте, Аонасій Ивановичъ“, говоримъ мы тебѣ, а „прощай, дорогой нашъ учитель“. И прощай навсегда, безъ надежды когда-либо видѣться съ тобою здѣсь еще, безъ надежды когда-либо быть съ тобой вмѣстѣ, говорить съ тобой...

А эти прежнія наши столь частыя встрѣчи, прежнія задушевные, почти пескончаемая бесѣды! Какъ трудно забыть ихъ! Да больше: ихъ, кажется, невозможно забыть!.. Вѣдь,



ты, учитель, былъ такъ близокъ къ намъ. Ты никогда не сторонился отъ насъ, не чуждался нашего общества. Въ нашей молодой студенческой средѣ ты, можно сказать, былъ нашимъ, своимъ, товарищемъ.

А это такое незаурядное явленіе!

Въ наши дни много жалуются на разобщенность учащихся и учащихся въ высшей школѣ, много говорятъ о необходимости сближенія между тѣми и другими. И жаловаться, думается, можно, говорить нужно. Но, кажется, нельзя при этомъ забывать и того, что разобщенность эта такъ естественна, а сближеніе это такъ трудно достижимо.

Въ самомъ дѣлѣ: если учащій въ высшей школѣ долженъ быть ученымъ въ собственномъ смыслѣ слова, если въ той или другой научной области онъ долженъ быть строгимъ специалистомъ, если наука должна быть дѣломъ всей его жизни, то естественно, что его вниманіе, его интересы преимущественнымъ образомъ сосредоточиваются тамъ, въ высокихъ сферахъ научныхъ. А вѣдь сферы нашей обычной жизни, нашихъ обычныхъ интересовъ и вопросовъ съ тѣми высокими сферами могутъ не совпадать. Здѣсь можетъ быть много не общаго, здѣсь можетъ быть большое различіе. А отсюда—естественность разобщенности между учащими и учащимися въ высшей школѣ, отсюда трудность сближенія между тѣми и другими.

Ты, учитель, былъ ученымъ въ собственномъ смыслѣ.

Но при всей твоей учености тебѣ не чужда была наша обычная жизнь, наши обычные интересы и вопросы. Твоя ученость рѣдкимъ образомъ сочеталась въ тебѣ съ чуткостью къ переживаніямъ всякой души, съ отзывчивостью на волненія всякаго сердца.

Какъ же намъ будетъ забыть о тебѣ?

Живо представляются намъ эти столь частыя сцены.

Ты только на минуту по какому-нибудь дѣлу зашелъ въ академію. Гдѣ-нибудь на корридорѣ или въ вестибюлѣ

встрѣтился со студентомъ. Два слова привѣтствія, какойнибудь вопросъ—завязывается разговоръ. Проходитъ мимо другой студентъ—присоединяется къ бесѣдующимъ. То же дѣлають третій и четвертый. Около тебя быстро образуется группа собесѣдниковъ. Разговоръ становится все оживленнѣе и оживленнѣе. Вопросъ смѣняется вопросомъ. Одна тема переходитъ въ другую. А вотъ уже и пренія, споры... Незамѣтно проходитъ полчаса, часъ... Но ты зашелъ только на минуту. Ты спѣшишь. Смотришь на часы; „а мнѣ пора“,—говоришь и прощаешься съ нами.—„Подождите, Аоанасій Ивановичъ“,—просимъ мы:—„еще рано. Поспѣете“. И ты сейчасъ же забываешь о недосугѣ и говоришь, говоришь... Опять вспоминаешь, застегиваешь пальто, опять прощаешься и... опять говоришь... Что было въ академіи, то могло быть и вездѣ: на улицѣ, въ вагонѣ, у тебя на квартирѣ, въ какой-нибудь аудиторіи, залѣ на чтеніи, рефератѣ... Твои собственныя лекціи нерѣдко обращались въ полные живого интереса коллоквиумы. И вотъ, когда у тебя уже большого въ Москвѣ были нѣкоторые изъ товарищей, ты, оживляемый свѣтлыми надеждами, говорилъ имъ,—„скоро, скоро уже вернусь къ вамъ. И опять за лекціи. А если нельзя будетъ читать, то—что же?—мы... такъ... поговоримъ“...

Любилъ ты, учитель, эти бесѣды съ нами. Но еще больше любили ихъ мы. Вотъ и теперь хотѣлось бы намъ подольше задержать тебя у себя. И теперь хотѣлось бы сказать:—„подождите, Аоанасій Ивановичъ. Еще рано. Вы еще такъ молоды. Вы еще полны силъ. Вы еще много могли бы сказать намъ, много могли бы сдѣлать для науки, Церкви и общества“...

Но видъ этого гроба, эта обстановка, эти печальныя лица, твое молчаніе заставляютъ только горестно воскликнуть:—„какъ все это неожиданно и больно“!

Прощай же, учитель!

Вѣчная тебѣ память!

Н. Колосовъ.

IV.

Приношу настоящее мое слово на безвременную могилу твою, дорогой Аоанасій Ивановичъ, какъ знакъ сердечной признательности тебѣ за твою дѣятельность въ Киевскомъ религіозно-просвѣтительномъ Обществѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до твоей кончины мы оплакивали съ тобою многихъ нашихъ общихъ наставниковъ и друзей, похищенныхъ изъ нашей среды смертью въ то время, когда еще крѣпкія тѣлесныя силы ихъ питали въ насъ увѣренность, что мы долго будемъ имѣть счастье пользоваться ихъ мудростью и знаніями, ихъ совѣтами, ихъ любовью. А нынѣ ты самъ причинилъ нашему сердцу новую рану... Ты былъ полонъ жизненной крѣпости, твое здоровье, мужество было завидно,—и вдругъ крѣпость исчезла, мужество оскудѣло... Какъ могло случиться это, и притомъ такъ скоро, такъ неожиданно? Поистинѣ тайна смерти непостижима. *Яже Господь сотвори, не разумѣемъ нинѣ, уразумѣемъ же по сихъ.* Когда Богу угодно будетъ и намъ открыть врата вѣчности, въ которые ты нынѣ вошелъ, тогда тайна смерти исчезнетъ и всѣ недоумѣнія наши разрѣшатся...

Но, дорогой Аоанасій Ивановичъ, есть своя тайна и у жизни, не знающей разрушенія и потому торжествующей надъ смертью. Ты овладѣлъ этою тайною уже на землѣ, потому что ты умѣлъ любить, а *любы николиже отпадаетъ.* Мы близко знали другъ друга. Но наша близость и возникла и поддерживалась въ той особенной сферѣ мысли и чувства, гдѣ души людей соприкасаются между собою высшею стороною своего существа, гдѣ онѣ свободно живутъ лишь тѣмъ, что составляетъ *единое на потребу* человѣка. Три года мы совмѣстно работали въ Обществѣ, которое имѣетъ своею задачею—совершенствованіе души человѣческой по идеалу евангельскому. Нашъ, мелкихъ, такъ сказать, поденныхъ работниковъ было немного, а дѣла очень немало. Мы почти

Труды Киевской дух. Академіи, Т. П. 1907 г.

каждый день, поэтому, сходились для работы и для обсуждения разных предначертаний, предположений. Твоя рѣчь, я съ утѣшеніемъ вспоминаю нынѣ, всегда бывала о задачахъ и дѣятельности Общества, о томъ, какъ наилучше послужить великой миссиі спасенія людей. Въ эту рѣчь почти никогда не врывалась ни одна струя житейской суеты, какъ будто она для тебя не существовала. Тебѣ казалось какъ бы невозможнымъ и обиднымъ для Общества спускаться съ высоты идеала въ будничную дѣйствительность... И сколько ты, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, проявлялъ въ тѣ часы чистаго, благороднаго желанія работать для этого идеала всѣми своими силами. На вершинахъ твоей мечты отдать себя дѣлу просвѣщенія христіанскихъ душъ тебя охватывала жажда работы тѣмъ болюшая, чѣмъ больше открывалось твоему сознанію неисполненныхъ задачъ, неиспользованныхъ средствъ. И ты работалъ, ты жиялъ жизнью Общества, ты отдавалъ ему энергіи и труда, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ сколько можно было отнять у другихъ твоихъ обязанностей безъ ущерба для нихъ... Вотъ дѣла твоей любви — неуничожимыя, смерти не подлежащія, которыя утѣшаютъ насъ въ твоей кончинѣ. *Любы николиже отпадають.*

Дорогой Аѳанасій Ивановичъ. Мы, люди, быстро проходимъ по жизненной дорогѣ, при томъ большею частью — безъ всякаго шума, мало или вовсе незамѣтно. Но дѣла наши остаются, и никто не можетъ изгладить ихъ изъ той книги жизни, въ которую они вписываются Вѣчнымъ Богомъ. Мы глубоко вѣримъ въ окончательное торжество добра и любви на нашей грѣшной землѣ; столь же глубоко вѣримъ и въ то, что твои дѣла любви и добра, по благословенію Божію, послужатъ этому торжеству. Ты приготавлилъ Господу путь къ сердцу человѣческому, ты уравнивалъ дорогу, убиралъ камни, поднималъ знамя: да будетъ же и награда твоя съ Нимъ. Миръ праху твоему.

Свящ. Н. Гроссу.

V.

Незабвенный профессор Аѳанасій Иванович!

Когда Вы уходили съ Вашихъ лекцій, какъ часто товарищи студенты окружали Васъ тѣснымъ кольцомъ, чтобы продолжить прерванную звонкомъ бесѣду... Слышалось Ваше чуткое, искреннее, бурное слово. Цѣлая вереница вопросовъ и возраженій вылетала изъ устъ Вашихъ собесѣдниковъ. И въ маленькомъ академическомъ кружкѣ чувствовалась дружная семья, объединенная живымъ исканіемъ истины.

Теперь Вы тоже уходите отъ насъ, не докончивъ своей академической бесѣды. Темное крыло смерти безвременно, неожиданно коснулось Вашего чела, и погребальный звонъ колоколовъ навсегда прерываетъ Ваши бесѣды со студентами. Но прежнему Ваши собесѣдники тѣснымъ кольцомъ окружаютъ Васъ. Хочется и теперь сказать: не уходите, оставайтесь съ нами. Еще не всѣ вопросы рѣшены Вашими питомцами. Еще нужно Ваше искреннее сердце, чтобы объединить около себя молодыя души, мятущіяся въ поискахъ истины о жизни. Еще болѣе чѣмъ раньше дорога Ваша объединяющая личность теперь, когда занимается свѣтлая заря жизни обновленной Академіи. Вы, убѣжденный противникъ церковнаго (католическаго) абсолютизма, могли бы вздохнуть полною грудью теперь, когда въ нашей родной Церкви пробуждается соборная жизнь...

И тихая грусть наполняетъ душу при видѣ Вашей безвременной могилы.

Пусть же эта грусть сильнѣе и ярче запечатлѣветъ въ нашихъ душахъ Вашъ симпатичный, чистый нравственный образъ и пусть этотъ образъ будетъ свѣтлымъ маякомъ въ ученой и педагогической дѣятельности Вашихъ питомцевъ!

Вы были не только сильный, талантливый умъ ученаго. Вы были убѣжденный носитель цѣльнаго міросозерцанія. И

самое главное, Вы были терпимый, искренній проповѣдникъ своихъ взглядовъ. Поэтому въ своихъ бесѣдахъ со студенчествомъ Вы давали не только обширныя свѣдѣнія по своей специальности, но могли разбудить самодѣятельную мысль каждаго. Своею терпимостью къ искреннимъ возраженіямъ Вы заставляли каждаго задуматься надъ вопросами вѣры и жизни, заставляли каждаго дать отвѣтъ на вопросъ: „а какъ же должно быть“, „а какъ же я смотрю на вещи“? Поэтому Вы были близкою родною личностью для всего нашего академическаго студенчества. Мы встрѣчали въ Васъ не подавляющую, нетерпимую силу аподиктичности, а сознательную силу самостоятельнаго, свободнаго, научнаго исканія истины. А въ основѣ этой глубоко-человѣчной черты Вашихъ отношеній къ студенчеству лежитъ Ваша чуткая, вѣчно молодая, чистая, увлекающаяся душа, навсегда сохранившая юношескій пылъ и крѣпкую бодрость.

Пусть же Вашъ неустанный научный трудъ, Ваша близость къ умственнымъ интересамъ студенчества, Ваша терпимая проповѣдь своихъ взглядовъ и Ваша чистая, юная душа всегда будутъ свѣтлымъ, дорогимъ воспоминаніемъ и родникомъ нравственной силы въ дальнѣйшей жизни Вашихъ питомцевъ и нашей Академіи. Вѣчная память!

Г. Булгаковъ.